

УДК 32.019

DOI: 10.31857/S2686673022050066

EDN: GQWQKD

Политика памяти в современном Квебеке

М.В. Кирчанов

Воронежский государственный университет

Российская Федерация, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, 1

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103> e-mail: maksymkirchanoff@gmail.com

Researcher ID: B-8694-2017

Scopus Author ID: 57193934324

Резюме. Анализируется историческая политика как политика памяти, направленная на поддержание мемориального канона как фактора развития идентичности в современном Квебеке, а также её особенности и противоречия. Изучены основные особенности исторической политики, развитие практик мемориальной культуры, потенциал исторических манипуляций в контекстах трансформации региональной идентичности в Квебеке, а также практики, применяемые в политике памяти, содействующие идеологизации истории. Показано, что политика памяти институционально неопределенна, а её реализация осуществляется через ревизию истории и формирование нового мемориального канона.

Ключевые слова: Канада, Квебек, историческая память, политика памяти, интеллектуальные сообщества

Для цитирования: Кирчанов М.В. Политика памяти в современном Квебеке. *США & Канада: экономика, политика, культура* 2022; 52 (5) 86-97.

DOI: 10.31857/S2686673022050066

The Politics of Memory in Contemporary Québec

Maksim V. Kirchanov

Voronezh State University

394000, Voronezh, Universitetskaya square 1

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103> e-mail: maksymkirchanoff@gmail.com

ResearcherID: B-8694-2017

Scopus Author ID: 57193934324

Abstract. The historical politics is analyzed as a policy of memory, aimed at maintaining the memorial canon as a factor in the development of identity in modern Québec, as well as its features and contradictions. The main features of historical politics, the development of memorial culture practices, the potential for historical manipulations in the context of the transformation of regional identity in Québec, and the practices used in the politics of memory that contribute to the ideologization of history are also studied. It is shown that the policy of memory is institutionally uncertain, and its implementation is carried out through the revision of history and the formation of a new memorial canon.

Keywords: Canada, Québec, historical memory, politics of memory, intellectual communities

For citation: Kirchanov M.V. The Politics of Memory in Contemporary Québec. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2022; 52 (5) 86-97.

DOI: 10.31857/S2686673022050066

ВВЕДЕНИЕ

Историческая политика, или политика памяти, в современной историографии относится к числу проблем, чьё изучение представляется актуальным. В научной литературе, посвящённой взаимозависимости исторической памяти и политической конъюнктуры, политика памяти, как правило, воспринимается в качестве европейского явления, а изучение данной проблематики ограничено преимущественно странами Центральной и Восточной Европы, которые в процессах демократического транзита, сформировав относительно стабильные государственные институты, оказались не в состоянии достичь компромисса относительно интерпретаций собственного прошлого, отягощённого идеологическими и этническими противоречиями. В рамках такой историографической ситуации при изучении проблем политики памяти в академической литературе утвердился географический редукционизм, ограничивающий историков анализом частных, национальных случаев исторической политики. Поэтому число исследований в российской историографии, посвящённых политике памяти за пределами Европы является крайне незначительным.

Под исторической политикой в научной литературе понимается «набор приёмов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие» [Миллер А.И. 2009: 6]. Традиционно все эти явления современные историки локализуют в политических и идеологических практиках элит Центральной и Восточной Европы, чему содействует целый ряд факторов, включая невозможность достижения мемориального компромисса, конфронтационная модель сосуществования различных версий исторической памяти, наличие отягощающих этнических и религиозных противоречий. Формально все эти особенности характерны для центрально- и восточноевропейских государств, а в отношении стран Западного полушария нередко выдвигается допущение, что развитые демократии подобные проблемы в собственной истории преодолели и поэтому проведение политики памяти для них не представляется актуальным.

Культурная и социальная история Канады свидетельствует о поверхностном характере подобного допущения. Несмотря на успехи политики мультикультурализма, институционализированного двуязычия, значительного опыта сосуществования англоканадцев и франкоканадцев, а также представителей других этнических групп, что сочетается с достаточно высоким уровнем социального и экономического развития, канадские элиты также вынуждены применять политику памяти среди других средств контроля над обществом. Восприятие памяти в современной Канаде гетерогенно, а историческая идентичность англоканадцев и франкоканадцев в значительной степени различна. Поэтому в центре авторского внимания в представленной статье будут проблемы исторической политики как политики памяти в современном Квебеке, как регионе с ярко выра-

женными этническими, религиозными и языковыми особенностями, которые актуализируют различные модели восприятия прошлого.

Целью статьи является изучение исторической политики в современном Квебеке, а задачами – анализ стратегий элит в консолидации общества с использованием исторических опытов, изучение феномена мемориального компромисса в тех формах, в которых он возник в этой канадской провинции, а также анализ комемморативных практик квебекского общества как средства визуализации и сохранения идентичности.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В КАНАДЕ: ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Историческая политика предусматривает несколько форм вмешательства государства в сферу восприятия истории на уровне общества. Анализируя феномен политики памяти в Квебеке, следует выделить общие характеристики исторической политики как явления, а также те, которые имеют место в Канаде.

Европейский опыт политики памяти предусматривает, *во-первых*, создание специализированных институтов, которые имеют сходные функции и направлены на формирование политически санкционированных версий исторической памяти (в современной Канаде подобные институты отсутствуют); *во-вторых*, организацию специализированных музеев, призванных актуализировать политически важные моменты исторического прошлого (в Квебеке музеи с аналогичными целями не созданы); *в-третьих*, принятие специальных законов, которые содействуют идеологизации прошлого, его мифологизации и утверждению догматических интерпретаций на уровне средств массовой информации (на региональном уровне в Квебеке и на национальном уровне Канады не зафиксировано принятие мемориальных законов); *в-четвёртых*, институционализация финансовой зависимости общественных организаций, занимающихся популяризацией истории, от органов государственной власти с целью продвижения тех или иных интерпретаций (финансирование исторических исследований в Канаде и Квебеке диверсифицировано, выявить финансовую поддержку с целью формирования политически мотивированного образа истории не представляется возможным); *в-пятых*, принятие мер ограничительного характера в отношении контроля над историческим образованием доступа к архивам или установления контроля над СМИ с целью контроля воспроизводимых ими нарративов (национальное и региональное право Канады не предусматривает ни ограничения доступа к архивам, ни установления идеологического контроля над СМИ на формальном уровне).

Таким образом, классический инструментарий описания политики памяти был сформулирован на основе изучения того, как история стала объектом политических и идеологических манипуляций в Европе. Большинство особенностей европейской политики памяти, с одной стороны, не может быть трансплантиро-

вано в канадские контексты, так как общество Канады к современному моменту не разделено политическими и символическими границами, сформированными различными версиями восприятия прошлого, а идеологически мотивированные интерпретации прошлого не столь востребованы для легитимации власти. С другой стороны, современные исследователи политики памяти полагают, что она стала универсальной, так как «нет обществ, начиная с племенных, которые так или иначе не регулировали бы эту сферу» [Миллер А.И. 2009: 7]. Историческая политика предусматривает вмешательство государства в её символические сферы в рамках «изобретения» образов нации, организации мемориальных и коммеморативных мероприятий. Именно на этом уровне происходит большинство мероприятий канадской исторической политики, в которую вовлечены как национальные, так и региональные игроки на уровне Квебека, формирующие или пересматривающие сложившиеся мемориальные каноны, а также визуализирующие и актуализирующие в социальных пространствах различные интерпретации прошлого, оформленные в отдельные версии исторической памяти.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННЫЕ УЧАСТНИКИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В КВЕБЕКЕ

Политика памяти в Канаде, в отличие от стран Европы, контролируется и курируется не специально созданными для этого государственными институтами, а общественными активистами, периодическими изданиями и политическими партиями. В этом контексте историческая политика в Канаде в сравнении с европейскими странами характеризуется меньшей активностью и интенсивностью, так как проблемы исторической памяти, её политизации и идеологизации регулярно оказывались в центре как академических, так и политических дебатов на протяжении 1980–2000-х годов [Hernander A.A. 2015].

Джэй Винтер в 2001 г. указывала на важность «мемориальных штудий» [Winter J. 2001], хотя и не предполагала, что в Канаде может возникнуть местная форма политики памяти. Поэтому, когда североамериканские страны обратились к отдельным методам европейской исторической политики, интенсивность идеологических дискуссий в значительной мере снизилась, что привело к использованию в Канаде ограниченного набора методов «проработки прошлого», апробированных европейскими элитами в рамках пересмотра истории и формирования нового мемориального канона.

Большинство организаций, вовлечённых в формирование и контроль над культурой памяти в современном Квебеке, носят общественный и негосударственный характер. Среди активных участников исторической политики в современном Квебеке – Канадский институт Монреаля (*L'Institut canadien de Montréal*) и Канадский институт Квебека (*Institut canadien de Québec*) – организации, созданные изначально с культурными целями, но постепенно, к началу XXI века, оказавшиеся вынужденными выполнять задачи, связанные с сохране-

нием исторической памяти как компонента национальной идентичности квебекцев. Квебекская академия литературы (*L'Académie des lettres du Québec*) стремится корректировать историческую память и формировать её компромиссный канон, используя культурные инструменты, представленные литературными премиями, что указывает на функционирование региональной политики памяти в рамках модели «мягкой силы» в отличие от европейских стран, в которых элиты практикуют непосредственные интервенции в интерпретации идеологически и политически значимых событий прошлого.

Другие участники политики памяти в современном Квебеке связаны с региональными политическими партиями. В значительной степени аналогичные тактики и стратегии формирования и продвижения версий исторической памяти выполняет Центр истории Сен-Гиацинта (*Centre d'Histoire de Saint-Hyacinthe*), вовлечённый в поддержание устойчивой связи между идентичностью Квебека и его региональной истории. Квебекский научно-исследовательский институт (*Institut de Recherche sur le Québec*), который на современном этапе фактически является умеренной площадкой Национального движения квебекцев (*Mouvement national des Québécoises et Québécois*), продвигая политически мотивированные версии истории региона, основанные на идеях регионального национализма.

Наряду с исследовательскими институциями участниками политики памяти в Квебеке являются региональные музеи [Gordon-Walker С. 2016 |], которые актуализируют в своей деятельности различные формы восприятия прошлого, так как сами стали «местами памяти» [Des lieux de mémoire... 1995], формирующими и продвигающими соответствующие версии региональной истории. Например, Музей цивилизации (*Musée de la civilisation*) не только визуализирует историю Квебека в региональных социальных и культурных пространствах, но и содействует ее актуализации как именно «франкоязычной Америки» (*l'Amérique francophone*), или «французской Америки» (*l'Amérique française*). Ещё один участник исторической политики со стороны музейного сообщества – Музей Мак-Корда (*Musée McCord*), обладающий коллекцией фотографий, содействующей визуализации памяти. Уникальным актором политики памяти в Квебеке является Квебекская деревня прошлых лет (*Village québécois d'antan*), призванная содействовать большей визуализации региональной истории в рамках современного общества потребления.

Состав участников квебекской исторической политики свидетельствует о том, что политика памяти в Канаде стала вторичной стратегией актуализации региональной идентичности как национальной. Историческая политика в современном Квебеке растворена в многочисленных формах культурной деятельности местных политических активистов, которые в актуализации языковой и этнической идентичности видят наилучший вариант ревизии и корректировки исторической памяти. Кроме этого институции, вовлечённые в Квебеке, в реализацию политики памяти, в отличие от европейских стран, где специализированные ин-

ституции нацелены на идеологизацию и политизацию истории, склонны решать не политические, но в большей степени культурные задачи, связанные с визуализацией исторической памяти региона. Если европейская политика памяти оперирует преимущественно идеологически мотивированными интерпретациями прошлого, то деятели, вовлечённые в аналогичные практики в Квебеке, несколько сместили своё внимание с исторической сферы в культуру, используя её потенциал для формирования и продвижения политически необходимого образа прошлого.

«ПРОРАБОТКА ПРОШЛОГО» В СМИ КВЕБЕКА

Как и в Европе, основными участниками исторической политики в Квебеке являются не профессиональные историки, а современные средства массовой информации, которые занимаются как формированием, так и пересмотром компромиссных версий региональной памяти. Подобный набор участников политики памяти стал следствием более быстрого (в сравнении со странами Центральной Европы) перехода к массовой культуре и обществу потребления [Landsberg A. 2004], которые в меньшей степени нуждаются в исторических нарративах, предлагаемых академическими сообществами в то время, как средства массовой информации, политические и общественные активисты, ассимилировав научный дискурс, превратили прошлое в важный ресурс легитимации современных режимов, используя определённые интерпретации исторических событий путём придания им статуса преобладающих. Поэтому в исторической политике в основном действуют СМИ, так как они, будучи свободными от формальных ограничений академической этики, оперативно реагируют на изменения политической и идеологической конъюнктуры, отражая основные направления и закономерности как политизации, так и манипуляции историей для пересмотра мемориального канона.

По мнению немецкого историка Ю. Шеррер, в «последние два десятилетия в публичном общественно-политическом дискурсе, журналистике и исторических исследованиях в западных странах доминируют концепты “исторической политики”, “политики прошлого”, “политики идентичности” и “политики памяти”», что актуализирует такие понятия как «культура памяти», «культура истории», «историческое сознание», вынуждая как профессиональных историков, так и политически мотивированных интеллектуалов «определить соотношение истории и памяти, так как все эти понятия имеют отношение к идентичности» [Шеррер Ю. 2009: 89], формулируемой в форме академических и неакадемических рефлексий относительно прошлого.

Современный Квебек принадлежит к числу тех регионов в Северной Америке, которые трепетно относятся к собственной исторической памяти. Именно поэтому слова *Je me souviens* («Я помню») нередко воспринимаются как один из национальных девизов квебекцев. Историческая политика в Квебеке, с одной

стороны, актуализирует свою близость с аналогичными культурными практиками в Европе, что проявляется в «резком расхождении между коллективной памятью и университетской историей <...> в непрерывной борьбе между застойным восприятием граждан и непрекращающейся работой учёных по переосмыслению прошлого» [1]. В этой ситуации в реализацию политики памяти в Квебеке в большей степени вовлечены не университетские интеллектуалы, а культурные активисты, продвигающие свои версии прошлого при помощи средств массовой информации. С другой стороны, политика памяти в современном Квебеке, в полной степени не повторяет европейские образцы. Активисты исторической памяти в Канаде в меньшей степени используют потенциал коммеморативных практик, связанных с юбилеями политиков [2], важных для региональной истории, предпочитая при помощи СМИ продвигать идеологически мотивированные интерпретации прошлого.

Особенностью политики памяти в Квебеке стала взаимозависимость исторического, культурного и политического воображения, хотя стремление со стороны практикующих политиков редуцировать роль истории до одного из мобилизационных ресурсов не столь ярко выражено как в современной Центральной Европе. Политика памяти в современном Квебеке, в реализацию которой вовлечены местные СМИ, направлена на ревизию мемориального канона, поскольку, как пишет С. Райвиль, «не проходит и дня, чтобы нам не напомнили, что мы на самом деле не колонизированы, что наша история не была такой болезненной, как многие другие, и что мы являемся поборниками расизма в Канаде» [3]. С ним солидарен и Мишель Риу, который указывает на необходимость формирования нового канона исторической памяти в Квебеке дабы избежать опасности утраты идентичности в результате «мультикультурализации» [4].

По мнению польского историка Роберта Трабы, одного из классиков современных «мемориальных штудий», когда «пишется коллективная память, она отражает определённую политическую и общественную конъюнктуру, а не только повествует о давно минувших событиях» [Траба Р. 2009: 43].

Поэтому квебекские интеллектуалы солидарны в том, что мемориальный канон следует пересмотреть, так как регион нуждается в «обновлении подхода к прошлому и его интерпретации» [5]. С другой стороны, они настаивают на «позиции» истории Квебека, так как борьба за национальное самоопределение была подменена идеями государства всеобщего благосостояния [6], что существенно изменило векторы развития исторической памяти. Правда, сами квебекские интеллектуалы оказались втянуты в местные «войны памяти», которые масштабно уступают идеологическим дебатам европейских историков в рамках реализации национальных версий политики памяти.

Основным спорным моментом для интеллектуалов Квебека, который соотносится с канонами национальной памяти, является интерпретация «тихой революции», но большинство упоминаний о ней в СМИ не связаны с академическими

интерпретациями, локализуясь в рамках идеологических клише «национальное» и «политическое» [7]. В этом контексте современная политика памяти в Квебеке выполняет функции, определяемые Ю. Шеррер как «терапевтические», что проявляется в «обсуждении только тех аспектов прошлого, которые кажутся полезными для нации» [Шеррер Ю. 2009: 101]. Поэтому С. Райвиль настаивает, что мемориальный канон нуждается в ревизии, так как история региона была объектом отрицания со стороны англоязычного большинства, что содействовало маргинализации исторического опыта квебекцев и превращения Квебека в «страну, которая им больше не принадлежит» [3]. С ним солидарны и другие квебекские интеллектуалы, настаивающие, что история Квебека стала жертвой «колониализма, атлантического рабства и расизма» [5], подобно историям других групп, которые были маргинализированы вследствие глобализации.

Подобная версия национальной памяти не устраивает националистически мыслящих квебекских интеллектуалов, предлагающих в противовес истории Квебека как оплота расизма другое прочтение истории, основанное на восприятии квебекцев как жертв британского доминирования, которое, по их мнению, стимулировало миграцию в США и ассимиляцию. В этом контексте квебекская политика памяти явно пребывает в состоянии конфликта с коллективной памятью англоканадского сообщества, а её ревизия воспринимается как попытка не только сформировать более справедливый образ истории Квебека, но и опровергнуть обвинения оппонентов в том, что франкоканадцы склонны к ксенофобии.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПАРТИЯ КАК УЧАСТНИК «ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ» В КВЕБЕКЕ

Помимо СМИ в историческую политику в современном Квебеке оказались вовлечены и политические партии, которые в Европе в меньшей степени, чем другие институции, участвуют в ревизии сложившегося мемориального канона и ревизии культуры памяти. По мнению белорусского философа Валянцина Акудовича, «каждая политическая система определённым образом формирует собственную память, содержание которой определяется использованием различных форм работы с фактами прошлого» [Акудовіч А., Казакевіч А. 2006: 44], за формирование интерпретационных моделей понимания которых могут быть ответственны не только академические историки, но и политические деятели, представленные партиями. Либеральная партия Квебека интегрирована в пересмотр сложившегося в регионе мемориального канона. Её активисты настаивают на изменении отношения к истории в контексте большей актуализации французской этничности. По мнению квебекских либералов, исторически «Квебек был носителем собственной культуры в Северной Америке» [8], что было размыто его интеграцией в состав преимущественно англоязычной Канады.

Именно поэтому либералы продвигают образ квебекцев как «нации, гордящейся своим самобытным характером и богатой своим плюрализмом» [9].

В рамках такого понимания история региона редуцируется до исторических проявлений именно этих качеств. В контексте активности политических партий ревизии подвергается не только основные интерпретации прошлого, но в качестве механизма пересмотра истории воспринимается культура как основной «национальный приоритет» [8] и гарантия «будущего нашей коллективной идентичности» [9], что отличает квебекские практики исторической политики от европейских, основанных на реинтерпретации именно фактов прошлого. Политика памяти в современном Квебеке актуализирует сервиллистские функции форм исторического знания в современном мире, где академические сообщества утратили монопольный контроль над историей. Поэтому для современных квебекцев как для сообществ, «некогда зачисленных Гегелем в “народы без истории”, “историческая политика” становится инструментом борьбы за место в историческом процессе» [Астров А. 2009: 109], хотя в Квебеке манипуляции с прошлым, о которых идёт речь, решают в большей степени задачи политического национализма, заинтересованного в актуализации статуса региона как нации.

Партийные активисты Либеральной партии в своих попытках подвергнуть пересмотру сложившийся в регионе мемориальный канон активно апеллируют к ценностям французского национализма. Именно поэтому они предлагают восприятие истории Квебека, основанное на придании «франкоязычной культуре» системного значения в региональном историческом процессе. По мнению представителей Либеральной партии, с одной стороны, исторически «Квебек черпал свою силу из способности доминирующей франкоязычной культуры сосуществовать с другими культурами, что позволяет нашей провинции утвердить себя как уникальную нацию» [8]. С другой – исторический проект Квебека оказался под угрозой со стороны англоканадского большинства, так как «Канада не торопится приветствовать нацию Квебека, понимать её и официально принимать» [9]. Таким образом, вовлечённость политических партий в историческую политику свидетельствует в большей степени не об их участии в современных региональных «битвах за историю», а о стремлении использовать историю как один из мобилизационных ресурсов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, следует принимать во внимание ряд факторов, которые определяют направления и особенности канадской исторической политики в Квебеке.

Современное квебекское общество фрагментировано в своём восприятии актуального прошлого, а неформальные границы между различными версиями исторической памяти проходят по принципу интерпретации тех или иных событий, которые имеют центральное значение для политики памяти. Квебекское общество в отличие от европейских не использует институциональный ресурс в рамках политики памяти. Поэтому в сфере исторической политики как политики памяти в Канаде отсутствуют специализированные институты, призванные

формировать компромиссный канон исторической памяти. В отличие от Европы подобные институции в обществе современной Канады укоренены в меньшей степени. Поэтому эффект от их деятельности оказался крайне ограниченным, что повлияло на отсутствие в канадском обществе таких явлений, как «войны памяти».

Отсутствие, с одной стороны, сильных и устойчивых формальных институтов (типа Института национальной памяти в Польше или Института памяти нации в Словакии), интегрированных в механизм государственной власти в сфере формирования исторического канона определили основные особенности исторической политики в Квебеке, где не сложились условия для генезиса и развития мемориального канона по европейским образцам. В отличие от Европы формирование компромиссной версии исторической памяти в Канаде было политически упрощено переходом страны к мультикультурализму, который в значительной степени избавил историческую память от решения политических задач, связанных с государственным строительством. Канадская версия исторической политики в целом и её квебекские региональные проявления в частности, как и в Европе, основаны на вовлечении в процесс генерации мемориального канона и в его пересмотр профессиональных интеллектуалов и представителей политических элит.

Именно поэтому политика памяти в современном Квебеке протекает в форме общественных дебатов относительно отдельных моментов истории, которые отягощены политически и идеологически, будучи сфокусированными на определении статуса региона и его истории. Тенденции к ревизии мемориального канона проявляются в попытках интерпретации истории Квебека не как региональной, а как национальной. Тенденции к ревизии и частичной деконструкции канона исторической памяти сложились в Квебеке на протяжении 2010-х годов, что было связано с ростом противоречий, связанных со статусом региона. Основные векторы развития исторической политики, с одной стороны, а также векторы и траектории изменения памяти – с другой, в современном обществе Квебека остаются в значительной степени неопределёнными. Поэтому в сфере функционирования исторической памяти сосуществуют её различные версии, которые являются, как правило, взаимозависимы, так как процессы реинтерпретации мемориального канона связаны с пересмотром статуса истории Квебека в направлении национальной истории.

Таким образом, политика памяти в современной Канаде, ограниченная в данной статье её квебекской версией, функционирует как в рамках институциональной неопределённости, множественности одновременно участвующих действующих лиц, вовлечённых в процессы ревизии истории и мемориального канона, так и формирования новых нарративов, претендующих на статус определяющих в новой версии исторической памяти.

ИСТОЧНИКИ

1. Rainville S. La petite pénombre d'une révolution dans l'ordre? // *L'Aut'Journal*. 2021. 25 octobre. Available at: <https://lautjournal.info/20191025/la-petite-penombre-dune-revolution-dans-lordre> (accessed 18.03.2022).

2. Lévesque A. 150e anniversaire de la naissance de la grande Éva Circé-Côté // *L'Aut'Journal*. 2021. 2 janvier. Available at: <https://lautjournal.info/20210201/150e-anniversaire-de-la-naissance-de-la-grande-eva-circe-cote> (accessed 18.03.2022).

3. Rainville S. Les Franco-Américains et le Québec // *L'Aut'Journal*. 2021. 12 mars. Available at: <https://lautjournal.info/20211203/les-franco-americaains-et-le-quebec> (accessed 18.03.2022).

4. Rioux M. Le rêve de Champlain, de Papineau et de René Lévesque: Un peuple // *L'Aut'Journal*. 2021. 23 avril. Available at: <https://lautjournal.info/20210423/le-reve-de-champlain-de-papineau-et-de-rene-levesque-un-peuple> (accessed 18.03.2022)

5. Labelle M., Michelot F. Le Québec face à la pluralité des trajectoires // *L'Aut'Journal*. 2021. 18 août. Available at: <https://lautjournal.info/20210818/le-quebec-face-la-pluralite-des-trajectoires> (accessed 18.03.2022).

6. Comeau R. Une interprétation de la Révolution tranquille conforme à l'air du temps // *L'Aut'Journal*. 2021. 11 octobre. Available at: <https://lautjournal.info/20211110/une-interpretation-de-la-revolution-tranquille-conforme-lair-du-temps> (accessed 18.03.2022).

7. Rainville S. Que s'est-il donc passé durant la Révolution tranquille? // *L'Aut'Journal*. 2021. 15 octobre. Available at: <https://lautjournal.info/20211015/que-est-il-donc-passe-durant-la-revolution-tranquille> (accessed 18.03.2022).

8. Valoriser notre patrimoine culturel // Parti libéral du Québec. Available at: <https://plq.org/fr/dossiers/culture> (accessed 18.03.2022).

9. Être Québécois, c'est notre façon d'être Canadiens // Parti libéral du Québec. Available at: <https://plq.org/fr/dossiers/identite-relations-quebec-canada/> (accessed 18.03.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акудовіч А., Казакевіч А. 2006. Навука і стратэгіі працы з мінулым. Дыскусія ў межах семінара «Сучаснае беларускае мысленне», Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАН, 16 сакавіка 2006 года. *Палітычная сфера*. № 6. С. 44–48.

Астров А. 2009. Эстония: политическая борьба за место в истории. *Pro et Contra*. № 3–4. С. 109–124.

Мишлер А.И. 2009. Россия: Власть и история. *Pro et Contra*. № 3–4. С. 6–24.

Граба Р. 2009. Польские споры об истории в XXI веке. *Pro et Contra*. № 3–4. С. 43–64.

Шеррер Ю. 2009. Германия и Франция: проработка прошлого. *Pro et contra*. № 3–4. С. 89–108.

REFERENCES

Akudovich A., Kazakevich A. 2006. Navuka i stratjegii pracy z minulym. Dyskusiya w mezhah seminara «Suchasnae belaruskae myslenne» [Science and strategies for working with the past. Discussion within the seminar "Contemporary Belarusian Thinking"] (In Belorussian), Institute of Sociology, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences, March 16, 2006. *Political Sphere*. No 6. P. 44–48.

Astrov A. 2009. Estoniia: politicheskaiia bor'ba za mesto v istorii [Estonia: political struggle for a place in history] (In Russ.). *Pro et Contra*. No 3 – 4. P. 109–124.

Des lieux de mémoire: identité et culture modernes au Québec, 1930 – 1960 / eds C. Marie, B. Chantal. 1995. Ottawa: University of Ottawa Press, 239 p.

Gordon-Walker C. 2016. Exhibiting Nation: Multicultural Nationalism and Its Limits in Canada's Museums. Vancouver: University of British Columbia Press, 236 p.

Hernandez A.A. 2015. Challenging Canada's politics of commemoration through sites of (contested transnational) memory // *Cahiers Mémoire et Politique*. No 6. P. 61–78.

Landsberg A. 2004. Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture. New York: Columbia University Press. 240 p.

Miller A.I. 2009. Rossiia: Vlast' i istoriia [Russia: Power and History] (In Russ.). *Pro et Contra*. No. 3 – 4. P. 6 – 24.

Scherrer J. 2009. Germaniia i Frantsiia: prorabotka proshlogo [Germany and France: working through the past] (In Russ.). *Pro et contra*. No 3 – 4. P. 89–108.

Traba R. 2009. Pol'skie spory ob istorii v XXI veke [Polish disputes about history in the XXI century] (In Russ.). *Pro et Contra*. No 3 – 4. P. 43–64.

Winter J. 2001. The Generation of Memory: Reflections on the 'Memory Boom' in Contemporary Historical Studies // *Canadian Military History*. Vol. 10. No 3. P. 57–66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КИРЧАНОВ Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент Кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета Воронежского государственного университета.

394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1

Maksim V. KIRCHANOV, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Historical Faculty, Voronezh State University.

1 University Square, Voronezh, 1394018, Russia

Статья поступила в редакцию 19.03.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 28.03.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 29.03.2022.